

Перевоплощение Фабрично-офисный центр на Новоданиловской набережной.

[АВ 4 \(109\) 2009](#)

[Константин Савкин](#)

– В какой мере композиционное решение нового комплекса зависело от соседней застройки? Это объект «на месте» или «вне места»? Как он может повлиять на возможные архитектурные преобразования ближайшего окружения?

С.С. Композиционное решение комплекса обусловлено в первую очередь конфигурацией участка, наличием рядом набережной Москвы-реки и внутренней функционально-планировочной логикой. Центр спроектирован, как и всякая нормальная архитектура, специально для этого конкретного места. Но место пока почти пустое и не освоенное. Оно будет застраиваться и меняться. При этом восприятие комплекса измениться не должно. Во-первых: форма и одежда здания уникальны и устойчивы во времени. Во-вторых: объект расположен на первой линии застройки и перед ним ничего не может появиться. Естественно, здание будет оказывать влияние на будущую окружающую застройку. Но, к сожалению или к счастью, сценарий этого развития написать невозможно. Он будет зависеть от конкретных архитекторов и застройщиков, наличия у них чутья, такта, таланта и ума.

Вид со стороны Москвы-реки, компьютерная модель.
View from the Moscow River, the computer model.

– Является ли красно-кирпичный цвет комплекса намеком на ржавчину – продолжение темы патины вслед за «медным домом» (как это утверждают некоторые критики)? Или это только реверанс в сторону исторических кирпично-фабричных зданий? В любом случае ощущение историчности можно считать достигнутым...

С.С. Кирпичные фасады комплекса - это, безусловно, реверанс в сторону привычного образа исторических фабричных зданий, которые расположены по соседству и на другой стороне реки – и, конечно, в нашем сознании. Наличие единого фасадного материала

придает зданию сходство со скульптурой. Выразительной скульптурой, которая может оживить это забытое Богом и людьми место. Кирпич - универсальный материал, который позволяет работать с любой пластикой. Его модуль настолько мал, что позволяет добиваться любых размеров, пропорций и параметров. Легкое цветовое различие позволяет уйти от монотонности.

– Насколько технологична при строительстве кирпичная пластика стен? Чьими руками (и какими усилиями) удалось справиться с этой задачей?

С.С. На прямых и кривых участках конструкция кладки абсолютно технологична. Нами была придумана и реализована своя собственная технология устройства криволинейных фасадов. Реализована она была руками простых, иногда и таджикских, рабочих. Все это было достаточно сложно. Потребовалось много интеллектуальных и эмоциональных усилий. И не надо забывать, что в данном случае мы имеем дело с бюджетным строительством. Что достаточно редкий случай в моей практике.

– Можно ли назвать архитектурно-художественное решение комплекса темой с продолжением? И где для авторов ее начало?

С.С. Тема скульптурности и мономатериальности в моих работах прослеживается давно, начиная с *Correg house*, еще в 2002 году. Затем были Пречистенская набережная 13-15 (с Б.Кузенцом - *Rose Group*), Пречистенская наб. 17-19 (Баркли-Плаза), Геленджик, Малая Никитская, Мосфильмовская, затем конкурс на Донскую пл., Новоданиловская, Тессинский, Каучук. Факт появления сдержанной и контекстуально осмысленной экспрессии внутри пуристской композиции - результат моих личных, очень давних пластических и философско-эстетических размышлений. Что касается творческого участия моих молодых коллег: они пришли ко мне учиться, впитывать мои взгляды, убеждения, методы работы с заказчиком. Они были хорошими учениками и энергичными, инициативными помощниками. Жаль, что удалось так мало вместе поработать. Сейчас, на мой, сугубо личный, взгляд, им немного мешает «пуловина». Но она скоро отомрет. Они много самостоятельно работают. И я в них верю.

И все-таки чего-то недостает в описании новостройки, чтобы до конца понять этот

неординарный объект с его явным драматизмом. Как это часто бывает, выход на место дает новые впечатления и открытия.

Три загадочных параллелепипеда собрались у самого берега Москвы-реки, словно наблюдая или обсуждая какое-то событие. Именно событие, на которое намекала с проектной перспективы вспучивающаяся кровля стилобата в центре композиции. Но ведь событие – это весь объект, запечатлевший процесс архитектурного (почти физиологического) перехода от фабрики к офису – перевоплощения. Все происходит на наших глазах – именно из-за этого постройки кажутся такими живыми. Этот переходный образ формируется всеми доступными средствами: композиционными, ритмическими, пластическими, цветовыми и фактурными... В основе композиции – сопоставление горизонтальных и вертикальных объемов. Горизонтальность, малоэтажная протяженность – основная примета фабрично-заводских корпусов с их приземленной технологией производства. (В этой неэффективности с точки зрения использования территории проявляется экономическая слабость, уязвимость производственных комплексов, особенно, если они располагаются на дорогих землях центральной части города). Башни офисов, не так давно подпитываемые, казалось бы, не иссякающими кредитными потоками, типологически гораздо плотнее осваивают участок. Два новых корпуса, встав плечом к плечу, гордо распрямили свои спины. Третий – уже не фабричный, но еще не офисный – только пытается занять новое положение. Как это произойдет? Возможно, лежащий корпус соберется с силами и опрокинется на свой торец, значительно превзойдя в росте своих собратьев. Или начнет укорачиваться, набирая за счет этого высоту... Изначальную фабричную отметку пока сохраняет стилобат нового комплекса, но именно желанным офисным будущим, стремлением к росту хочется истолковать демонстративное вспучивание его кровли.

Что касается переходного ритма - он отчетливо прослеживается в нерегулярности оконных проемов – модном приеме, именно здесь нашедшем свое полноценное обоснование. Окна зданий словно бы ищут себя – свою ширину, дистанцию, нащупывая новый, офисный масштаб, уходя от фабричных стандартов.

В творческом поиске окнам недостает уже ритмических средств, и они начинают выходить из плоскости стен, словно заглядывая за угол. Эта мелкая пластика дополняется масштабными, живыми изгибами корпусов, силящихся преодолеть свою недавнюю фабричность. В этих движениях, волнениях кирпичных стен проявляется внутренняя энергия архитектурного перевоплощения.

Фактура и цвет кирпича подтверждают рукотворность или даже живое – клеточное строение корпусов, способность к биологической регенерации и дальнейшему эволюционному развитию.

Архитектурное олицетворение титанических усилий демонстрирует серьёзность и болезненность функциональных преобразований не только этого места, но и других бывших производственных площадок Москвы. Рукотворные красно-кирпичные фабрики отживают свой век. Когда-то во времена бурного формирования российской (или международной), а позднее – советской промышленности они успешно захватывали городские и пригородные территории. С середины XX века их энергично замещали научно-исследовательские и проектные институты со своей отчасти производственной, но в большей степени – офисной типологией и образом «ящиков». Не только почтовых, свидетельствующих о секретности исследований, но и архитектурных, позволяющих себе разве что легкий налет модернизма 1970-х. Эта тенденция сближения промышленности и науки продолжалась до самого развала СССР, когда обозначился их почти параллельный спад (рис. 1).

Пересечение траекторий развития промышленности и коммерции (которая сменила инициативу науки) произошло позже – в начале XXI века. При этом роль архитектурных

«ящиков» уже полностью принадлежала промышленным объектам, выводимым с территории города (рис. 2).

Офисно-коммерческие объекты Москвы в последние годы, напротив, приобретали все более живые очертания, стараясь заявить о своей актуальности, социально-экономической востребованности новизной и оригинальностью.

Одновременно в Москве динамично развивается процесс реконструкции и реорганизации бывших исторических производств в торговые, культурно-общественные и, конечно, деловые центры. В нашем журнале публиковались материалы о переселении офисных функций в эффектные красно-кирпичные постройки Краснохолмского камвольного комбината, кондитерской фабрики «Красный Октябрь» и др. Их преобразование сочетает в себе реставрацию, реконструкцию и новое строительство. Оно сопровождается историко-культурными, визуально-ландшафтными исследованиями, а архитектор связан многими ограничениями и обязательствами, увеличивающими трудоемкость проектирования и строительства. Как правило, итогом таких непростых обновлений все же становится вполне умиротворенный, композиционно уравновешенный исторический и

современный комплекс. Хотя энергия напряженных взаимоотношений старого и нового нередко проявляется в архитектуре. К примеру, в реконструкции Краснохолмского комбината такой «точкой схода» стал новый парадный корпус, будто бы выползший с исторической территории и вздыбившийся у городской магистрали.

Память о старых рукотворных стенах, украшенных рельефными орнаментами из красного кирпича, сохраняется не только физически, но и метафорически. Офисный центр на территории Даниловской мануфактуры – целиком и полностью новое строительство. Но одновременно это скульптурный памятник всем историческим производствам Москвы, претерпевшим процесс реконструкции.

Настоящий драматизм состоит в том, что это перевоплощение носит запоздалый характер – экономический кризис поставил под сомнение своевременность или темпы наращивания виртуального производства, сократив поставки необходимого денежного «сырья».

Вероятно, в этот объект, спроектированный в канун международного финансового обвала, интуитивно проникло и формализовалось предчувствие кризиса.

В итоге новый объект предстает архитектурным олицетворением фабрично-офисных метаморфоз. Это масштабный монумент, символизирующий переход экономического лидерства и архитектурных традиций от одного типа зданий к другому. Метаморфозу, запечатленную в композиции, пластике корпусов, столь наглядно или демонстративно меняющих свой образ.

Фото – Ю.Пальмин (Photo taken by Yu.Palmin)

<http://archvestnik.ru/node/1954>